

Татьяна Лив

КОРСЕТ, ДОЛГИ И НИКАКОГО КОФЕ

Татьяна Лив

Корсет, долги и никакого кофе!

«Автор»

2026

Лив Т.

Корсет, долги и никакого кофе! / Т. Лив — «Автор», 2026

Маша Орлова, менеджер среднего звена, просыпается в чужом теле. Теперь она — баронесса Мира Каменная, владелица захудалого поместья с долгом в восемь тысяч крон и единственным активом в виде полусломанной мельницы. Вместо джинсов — корсет, который душит. Вместо кофе — травяная бурда. Вместо Excel — перо с кляксами. Зато есть артефакт-планшет, который умеет рисовать таблицы, управляющий Даниэль, который раздражает своей честностью и компетентностью, и целая куча проблем, которые нужно решать. Что делать современной женщине, оказавшейся в средневековом фэнтези? Правильно — применить навыки тайм-менеджмента, составить бизнес-план спасения баронства и попутно разобраться со своими чувствами к угрюмому управляющему. Лёгкая романтическая история о попаданке о том, как Excel спасает мир, а любовь находит даже тех, кто искал только эффективности.

© Лив Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Корсет, долги и никакого кофе!

Глава

АКТ 1: "ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ КОШМАРОВ"

ГЛАВА 1: "ПРОБУЖДЕНИЕ В РЕЖИМЕ ПАНИКИ"

Рёбра ломило так, словно кто-то методично затягивал вокруг неё ремень всю ночь и остановился ровно тогда, когда стало невозможно дышать.

Попытка вдохнуть полной грудью провалилась — лёгкие наткнулись на какое-то препятствие где-то в районе диафрагмы, и мозг, ещё не до конца проснувшийся, выдал первую логичную мысль: слишком много работала, и теперь это инфаркт. Бесславный конец карьеры менеджера среднего звена — лёжа в постели, задыхаясь непонятно от чего.

Глаза открылись сами собой, и вместо потолка съёмной квартиры с трещиной в форме Италии она увидела балдахин — настоящий, театральный, из тяжёлой ткани бордового цвета с золотым шитьём. Маша уставилась на него секунд десять, честно ожидая, что картинка рассосётся, как рассасываются все неудобные вещи, если достаточно долго на них не реагировать. Картинка проигнорировала этот подход.

— Это сон, — вслух сказала она себе и чуть не подпрыгнула от собственного голоса — слишком высокого, слишком девичьего, совершенно не похожего на тот, которым Маша Орлова, менеджер среднего звена логистической компании "ТрансЛайн", привыкла матом крыть нерадивых поставщиков и разговаривать с директором на повышенных тонах. А это звучало как голос из рекламы прокладок. Нежный. Мелодичный. Раздражающий.

Маша подняла правую руку. Рука была чужая. Тонкая, бледная, с длинными изящными пальцами и фарфоровой кожей. Маша Орлова имела руки нормального менеджера — чуть полноватые, с коротко стриженными ногтями и шрамом на указательном пальце от неудачного опыта резки авокадо.

— Это не мои руки, — сообщила она потолку.

Потолок промолчал.

Попытка сесть дала понять, что именно душило рёбра. Корсет. Настоящий, со шнуровкой, в котором она, судя по всему, и проспала всю ночь. Отдельное преступление против человечности.

— Миледи! — в комнату влетел смерч в виде девушки лет девятнадцати с подносом в руках. — Вы проснулись! О, слава богам!

Девушка была одета в длинное платье с фартуком, волосы убраны под чепчик, на лице написано такое облегчение, будто Маша только что вернулась из мёртвых.

— Кто вы? — выдавила Маша.

— Элис, миледи. Ваша горничная. Неужели забыли? О боги, может, лихорадка вернулась?

— Стойте, — Маша подняла руку. — Просто дайте подумать.

Элис замерла. Маша огляделась. Комната огромная — намного больше её съёмной однушки. Высокие потолки, массивная мебель из тёмного дерева, гобелены на стенах, окна с настоящими ставнями. И везде пыль. Не толстый слой, но достаточно, чтобы Маша, помешанная на порядке, внутренне сжалась.

— Зеркало, — попросила она.

Элис принесла ручное зеркало в серебряной оправе. Маша посмотрела и едва не выронила его. Из зеркала смотрела незнакомка. Блондинка с огромными серыми глазами, тонкими

чертами лица и длинными, почти до талии, волосами. Красивая, если любишь хрупкий фарфоровый тип. Маша такой тип не любила.

— Это не я, — прошептала она.

— Простите, миледи?

— Ничего. Мне нужно одеться.

Процесс одевания занял полчаса и унёс последние остатки достоинства. Сначала Элис затянула шнуровку корсета — "не туго, я сказала, чтобы дышать можно было!" — потом навьючила две юбки, потом голубое бархатное платье с вышивкой на лифе и миллионом мелких пуговиц на спине.

— Как вы в этом ходите? — пробормотала Маша.

— Привыкаешь, миледи, — Элис невозмутимо заплетала косу. — Экономка просила передать, что управляющий Томас ожидает вас в главном зале, чтобы обсудить неоплаченные счета и долги.

— Какое прелестное утро для разговоров о долгах, — с иронией заметила Маша.

Письменный стол не отличался порядком, видно было, что предыдущая владелица тела не утруждала себя уборкой. Бумаги разбросаны без всякой системы, одни поверх других. Верхний листок содержал цветистые признания: "Дорогая Мира, ваши глаза затмевают звёзды..." Следующий документ отличался прозаичностью: "За поставленную муку. 15 крон. Просрочка составляет два месяца". Остальные бумаги также были про неоплаченные счета.

— Миледи, управляющий действительно ждёт...

— Уже иду, — Маша отложила бумаги и направилась к выходу.

Они вышли из комнаты и Маша увидела, что все стены коридора были увешаны портретами родственников - все они смотрели на происходящее с одинаковым выражением неодобрения.

Видно было, что дом медленно приходил в упадок. Мраморная лестница была в сколах, а за высокими красивыми окнами виднелся внутренний двор, где уже высокая трава прорывалась сквозь старинную брусчатку.

Внизу их встретила дородная женщина лет пятидесяти в строгом сером платье. Седые волосы были аккуратно убраны в тугий пучок, лицо выражало суровость, но взгляд оставался добрым.

— Баронесса, — женщина сделала реверанс, — наконец-то вы спустились. Томас места себе не находит.

— Матильда? — с лёгкой неуверенностью уточнила Маша.

— Да, миледи, ваша экономка, — последовал внимательный взгляд. — Вы хорошо себя чувствуете?

— Голова немного болит. Где сейчас управляющий?

В главном зале за массивным столом восседал плотный мужчина лет сорока пяти с густой рыжей бородой. Стопки документов окружали его со всех сторон, словно бумажные баррикады.

Увидев Машу, управляющий резко поднялся с места.

— Баронесса! Наконец-то добрались! Нам крайне необходимо обсудить...

— Минуточку, — она подняла руку и внимательно осмотрелась.

Главный зал когда-то поражал великолепием — высокие сводчатые потолки, камин величиной с небольшую комнату, резная мебель из ценных пород дерева. Теперь же повсюду виднелись следы запустения: потускневшие гобелены висели криво, обивка кресел протёрлась до дыр, а в углу потолка расплзлось темное пятно от старой протечки. Единственным ярким пятном в этом унынии служил необычный предмет на каминной полке — нечто похожее на лампу, излучающую тусклое голубоватое свечение.

— Что это за штука? — поинтересовалась Маша.

— Вечный светильник вашего покойного прадеда, миледи. Магический артефакт, правда, уже почти выработал свой ресурс...

— Понятно, магия в этом мире присутствует, — кивнула Маша, усаживаясь за стол напротив Томаса. — Теперь рассказывайте все по порядку. Какова общая сумма наших долгов?

Томас явно заколебался, и Маша устремила на него тот самый взгляд, которым привыкла смотреть на подчиненных, нарушающих сроки сдачи проектов.

— Принесите мне пергамент и что-нибудь для письма.

Матильда тут же подала требуемое. Маша взяла перо — неудобное, постоянно цепляющееся за бумагу, явно требующее сноровки — и приготовилась вести записи.

— Начинаем с первого пункта задолженности.

— Мельник Евстигней требует двадцать крон.

— Записала, продолжайте.

— Поставщик зерна выставил счет на тридцать пять крон.

— Следующий пункт.

Перечень долгов неуклонно разрастался. Томас диктовал имена кредиторов так, словно зачитывал список казнимых, тогда как Маша скрупулёзно вела записи, не обращая внимания ни на расплывающиеся кляксы, ни на озадаченные взгляды присутствующих. Через полчаса такой работы перед ней лежали три листа, заполненные мелким почерком и изрядно исправленные.

— Восемь тысяч крон, — медленно проговорила она, поднимая глаза от итоговой строчки. — Наша общая задолженность составляет восемь тысяч крон.

— Включая государственные недоимки и долг барону Волкову — именно такая цифра получается, миледи.

— Сколько у нас есть денег в распоряжении?

— Казна содержит сто двадцать крон, миледи.

— Какой месячный доход приносит поместье?

— В удачный год с хорошим урожаем получается около семидесяти крон за месяц.

Маша прикинула арифметику. Семьдесят крон прибыли против восьмидесятикronого долга означали, что даже в самом розовом варианте развития событий понадобится свыше десяти лет исключительно на погашение задолженности, причём без учёта ежемесячных расходов на поддержание замка и содержание людей.

— Положение безнадежное, — резюмировала она с невозмутимым видом.

— Миледи, — Томас явно воодушевился, — быть может, следует вернуться к рассмотрению предложения графа Серебряного? Женитьба мгновенно устранит все денежные затруднения... — Этот вариант не рассматривается.

— Но ведь...

— Я ясно выразилась, — Маша поднялась из-за стола. — Будем искать альтернативные решения. Томас, к завтрашнему утру требую видеть все документы — счета, расписки, договоры — систематизированными и собранными в одном месте. Не разбросанными по трем ящикам и не спрятанными в карманах вашего камзола.

Управляющий густо покраснел, выдав тем самым правильность её предположения.

— Будет исполнено, миледи.

— Матильда, после полуденной трапезы вы проведете меня по всем помещениям замка. Необходимо собственными глазами оценить состояние имущества.

Обеденная трапеза оказалась предельно скромной — свежий хлеб, овощная похлебка и вареная курица, поданные без всяких изысков на простой керамической посуде.

Маша ела, одновременно наблюдая за происходящим вокруг. За столом металась молоденькая служанка — явно не Элис, а кто-то другой, чьи взгляды выдавали нервозность и страх.

Где-то на кухне что-то с грохотом упало, а следом послышался приглушенный вскрик боли или испуга. Матильда недовольно сморщилась, однако комментировать инцидент не стала.

— Сколько человек прислуги работает в замке? — поинтересовалась Маша.

— Двенадцать человек, миледи. В прежние времена штат был значительно больше, однако...

— Ясно. А заработную плату им выплачивают своевременно?

Последовала красноречивая пауза.

— К сожалению, не всегда, — вынуждена была признать Матильда. — Последние полгода случаются серьезные задержки.

Маша медленно отложила ложку. Картина складывалась удручающая: слугам задерживают жалованье, поставщики не получают оплату, налоги остаются неуплаченными. При этом, судя по обилию любовных посланий на письменном столе, предыдущая владелица замка регулярно получала предложения руки и сердца, однако все их отвергала. Девушка была настоящим романтиком, но совершенно непрактичным человеком.

Допив горький травяной чай, пропитанный густым мятным запахом, Маша откинулась в кресле и попыталась унять лёгкое головокружение. Может быть виной была усталость или слишком много новой информации или может быть сильно затянутый корсет.

Когда уже почти голова перестала кружиться, случилось видение. В сознании всплыла картина из чужого прошлого: маленькая девочка стоит в этом самом зале, только он выглядит гораздо светлее и опрятнее, потолок не испорчен пятнами от протечек, а стены сияют свежестью. Ребёнок рыдает навзрыд, а высокий мужчина с фамильными серыми глазами нежно гладит её по голове, приговаривая: «Не надо слёз, моя дорогая Мирочка. Мы обязательно всё поправим».

Маша встряхнула головой, заставляя видение пропасть.

Почти сразу возникла новая картина: та же девочка, но уже подросток лет пятнадцати, устроилась за этим столом с толстой книгой. Она декламирует стихи какого-то царедворца мелодичным голосом, полным романтических грёз: «А любовь, что соловей в саду, поёт лишь для того, кто способен расслышать её песню...» Очередное усилие воли — и это воспоминание тоже расплывается без следа. Третье видение оказалось более отчётливым и ярким. Та самая блондинка из зеркала, уже взрослая девушка лет двадцати, стоит у высокого окна в изящном белом платье. За стеклом виднеется торжественная процессия всадников. "Это граф Серебряный прибыл с предложением", — шепчет Элис где-то позади. "Говорят, он очень красив, миледи, и невероятно богат". Девушка отрицательно качает головой: "Он испытывает чувства не ко мне, а к моим землям".

Маша резко поднялась, едва не опрокинув при этом тяжёлый стул.

— Миледи? — с беспокойством поинтересовалась Матильда.

— Всё в порядке, — поспешно ответила Маша. — Просто немного шумит в голове.

Чужие воспоминания — вполне естественное явление в её положении. Раз она каким-то образом оказалась в теле другого человека, то в глубинах сознания неизбежно должны были сохраниться отголоски прежней личности: обрывки воспоминаний, эмоциональные переживания, характерные черты. Мира Каменная явно была неисправимой романтичкой, увлекавшейся поэзией.

— Миледи хочет отдохнуть? — участливо спросила Матильда.

— Нет, — Маша выпрямилась. — Идём осматривать замок. Как договаривались.

Но теперь, идя по коридорам, она видела их иначе. Не просто запущенные помещения, а места, где жила другая девушка. Которая плакала в углу лестницы, когда умерла мать. Которая каталась на качелях в саду, когда он ещё не зарос. Которая танцевала в главном зале, когда приезжали гости.

Мира Каменная была не душой. Просто... другой. Мягкой, где нужна была жёсткость. Мечтательной, где требовался расчёт. Доверчивой, где надо было подозревать обман.

Хорошая девушка. Неприспособленная к реальности.

"Ничего, — подумала Маша, следя, как Матильда отпирает дверь в западное крыло. — Теперь в этом теле правит Маша Орлова. А Маша Орлова приспособится к чему угодно".

Осмотр занял два часа и оказался экскурсией по музею запущенности. Матильда вела её по комнатам с видом человека, давно смилившегося с неизбежным, и монотонно перечисляла неисправности.

Западное крыло: протечка в трёх местах, два окна заколочены досками — стёкла разбились ещё зимой и не вставлены.

Кухня встретила их дымящей печью с неисправной вытяжкой и запасами муки, которых хватит недели на три, не больше. В подвале обнаружилась опустевшая кладовая и заперта сокровищница, про которую Матильда мрачно заметила, что там лежит одно старьё. Конюшня располагала четырьмя лошадьми весьма сомнительного качества: одна прихрамывала, другая давно вышла из рабочего возраста, третья оказалась слишком молодой и норовистой, и только четвёртая годилась для езды. Сад превратился в заросли, а огород, хоть и существовал, занимал удручающе маленькую площадь.

Маша неотступно следовала за Матильдой, ведя записи на обрывке пергамента — почерк получался корявый и в кляксах, однако достаточно разборчивый для её целей. Матильда время от времени косилась на её записи с видом человека, который не понимает, зачем всё это нужно.

— При покойном бароне подобным не занимались, — обронила экономка, остановившись у дверей заколоченного помещения.

— А что делали?

— Просто жили день за днём, не особенно вдаваясь в подробности хозяйства.

— Ситуация проясняется, — пробормотала Маша, аккуратно фиксируя на пергаменте напоминание о том, что необходимо выяснить истинное назначение заколоченной комнаты.

Остановившись у крутого спуска, ведущего в глубокие подвальные помещения, она обернулась к сопровождавшей её женщине.

— Будьте добры, откройте дверь сокровищницы.

Матильда на мгновение замерла, всем своим видом демонстрируя, что считает подобное любопытство пустой тратой времени.

— Миледи, смею вас заверить, что за этой дверью не осталось ровным счётом ничего стоящего, кроме груды проржавевших доспехов и давно пришедшей в негодность мебели.

— И всё же я настаиваю на осмотре, — спокойным, не терпящим возражений тоном повторила Маша.

Экономка обречённо вздохнула и выудила из связки тяжёлый ключ, который удалось вернуть в заржавевшем замке далеко не с первой попытки. Сама дверь тоже отчаянно сопротивлялась — за десятилетия неподвижности она словно намертво срослась с косяком, поэтому Матильде пришлось навалиться на неё всем плечом, чтобы сдвинуть створку с места. Когда дверь наконец подалась, из мрака пахнуло холодом и затхлостью — смесью сырого камня, старой пыли и того особого запаха, который появляется в местах, где ничто не двигалось годами. Маша подняла свечу, хотя пламя лишь закачалось и ничуть не справилось с темнотой, и шагнула внутрь.

Матильда оказалась права: в углу перекошились ржавые латы на разохшейся подставке, рядом стоял стул без спинки, а на полке едва поблёскивали два серебряных кубка, потемневших настолько, что владельцы давно перестали их чистить. У противоположной стены прилежал сундук, набитый пожелтевшими бумагами под самое горлышко. Сокровищницей

это помещение называлось исключительно по привычке — на деле оно давно превратилось в свалку вещей, которые выбросить рука не поднималась, а применять было некуда.

Маша уже собиралась уходить, когда заметила в углу кусок мешковины, лежавший слишком аккуратно для обычного мусора. Ткань лежала слишком аккуратно для случайного мусора, и это сразу бросалось в глаза. Она потянула её за край, подняв облачко пыли, и увидела небольшую книгу в потёртом кожаном переплёте с медной застёжкой.

На первый взгляд книга выглядела совершенно обычной, разве что слишком хорошо сохранившейся для этой сырой комнаты. Маша взяла её в руки, собираясь рассмотреть переплёт ближе, но медная застёжка вдруг щёлкнула сама, без малейшего усилия с её стороны. Страницы раскрылись на чистом листе, и прямо на пергаменте начали проступать ровные буквы, словно невидимая рука выводила их аккуратным деловым почерком: «Готова к работе».

Маша недоверчиво уставилась на надпись.

— Матильда, — осторожно позвала она экономку, — что это за предмет?

Матильда любопытства ради заглянула через плечо, увидела самопроявляющиеся буквы и в ужасе отпрянула назад.

— Свят, свят, — торопливо перекрестилась женщина. — Это древний артефакт, миледи. Совсем старый. Я уже и думать забыла про него. Рассказывали, что это была рабочая записная книжка вашего покойного прадеда-мага, только она уже много лет как перестала функционировать...

— Похоже, снова заработала, — констатировала Маша, не отрывая взгляда от страницы.

Буквы терпеливо ожидали дальнейших указаний. Маша, повинувшись внутреннему побуждению, извлекла из кармана перо — привычка постоянно носить с собой пишущие принадлежности сохранилась с прежней жизни — и аккуратно вывела в книге: "Список долгов".

Книга мигнула тихим внутренним светом, и на следующей странице сама собой развернулась таблица — аккуратная, с чёткими графами и теми самыми цифрами, которые Маша диктовала Томасу несколько часов назад.

— Матерь божья, — Матильда отступила на шаг, прижав руки к груди.

— Это не тёмная магия, — торопливо сказала Маша. — Это просто рабочий инструмент, не более того.

Матильда продолжала смотреть на книгу с выражением человека, который слышит разумные слова, но внутренне им не доверяет.

Маша прижала книгу к груди и поднялась из подвала. Сердце колотилось чуть. До самого вечера она просидела в небольшом кабинете на втором этаже — уютной комнате с письменным столом и высокими книжными полками вдоль стен, которую обнаружила ещё во время утреннего осмотра замка. Она переносила в артефакт данные, проверяла границы его возможностей, пробовала разные формулировки запросов. Книга оказалась понятливой: таблицы выстраивались сами собой, стоило лишь правильно сформулировать задачу. Когда Маша рискнула попробовать нечто вроде диаграммы, книга ответила кривоватым, но вполне читаемым столбчатым графиком.

— Молодец, — искренне сказала Маша, обращаясь к артефакту.

Книга ничего не ответила, однако на полях страницы вдруг появился аккуратный маленький завиток — точь-в-точь как личная подпись.

Томас явился ровно к шести вечера с объёмной стопкой бумаг, которую водрузил на стол с видом человека, приложившего немалые усилия ради демонстрации своей исполнительности. Маша кивнула, не отрываясь от артефакта.

— Завтра с утра выезжаем в поместье.

— Слушаюсь, миледи, — Томас помялся у двери, явно не решаясь уходить. — Позвольте задать вопрос?

— Задавайте.

— Вы сегодня какая-то другая. Не такая, как утром.

Маша подняла на него взгляд.

— Повзрослела за день, — ответила она и вернулась к бумагам, давая понять, что разговор окончен. — Можете идти.

Ужин оказался таким же скромным, как и обед. Маша ела почти машинально, не замечая вкуса еды, поскольку мысли всё равно крутились вокруг цифр и завтрашних планов. Матильда сидела напротив и молчала — однако это было не то рассеянное молчание человека, погружённого в собственные мысли, а молчание внимательного наблюдателя, который делает выводы.

— Матильда, — сказала Маша, откладывая ложку, — когда в последний раз кто-то из владельцев замка объезжал деревню? Разговаривал с крестьянами, смотрел, как они живут?

— Ваш батюшка, когда ещё был жив. Лет пять назад, если не больше.

— Пять лет, — Маша произнесла это тихо, скорее для себя, чем для собеседницы.

— Баронессы обычно этим не занимаются, — Матильда подбирала слова осторожно, как человек, ступающий по тонкому льду. — Считается неприличным ездить по деревням самолично.

— Тем не менее завтра я именно так и поступлю.

Матильда поджала губы с видом человека, который категорически не согласен, но предпочитает держать своё несогласие при себе.

— При старом бароне подобного не практиковалось, — произнесла она наконец.

— При старом бароне долг был меньше восьми тысяч крон?

Пауза.

— Нет, миледи. Примерно столько же.

— Тогда, — Маша отложила ложку, — может, стоит попробовать иначе.

Матильда смотрела на неё долго. Потом что-то в её лице изменилось — не сильно, едва заметно. Что-то вроде облегчения.

— Как скажете, миледи.

Элис помогла раздеться и распустила косу. Маша сидела перед зеркалом и смотрела на своё — не своё — отражение. Блондинка с серыми глазами смотрела в ответ с видом человека, который сам не до конца понимает, что происходит.

— Элис, — позвала Маша, — а предыдущая... то есть, я раньше — я часто плакала?

Элис замерла с гребнем в руках.

— Ну... да, миледи. Довольно часто. После смерти родителей особенно.

— Понятно.

— Вы сегодня совсем не плакали, — заметила Элис осторожно. — Это хорошо?

Маша подумала.

— Это эффективно, — сказала она. — Ложитесь спать, Элис. Завтра рано вставать.

Одна в тёмной комнате, под бордовым балдахином, Маша уставилась в потолок. Корсет она заставила Элис снять совсем — первый раз за день дышала нормально. Артефакт-книжка лежала на тумбочке рядом, застёгнутая на медную застёжку.

Итоги дня подводились сами собой: восемь тысяч крон долга, запущенный замок с протекающими потолками, слуги, которым месяцами не платят жалованье, сломанная мельница, сад, заросший бурьяном, и одна-единственная артефактная записная книжка, способная составлять таблицы. Активы более чем скромные, однако Маша Орлова в своей прежней жизни справлялась и не с такими исходными данными.

Она закрыла глаза и попыталась расслабиться. В голове продолжали вертеться цифры, списки неотложных дел и примерный маршрут завтрашней поездки по деревне. Постепенно всё это начало расплываться и терять чёткость — усталость медленно, но верно брала своё.

Последняя осознанная мысль перед погружением в сон носила вполне деловой характер: сначала нужно заняться мельницей, потому что без исправной мельницы поместье не сможет получать даже тот скромный доход, на который рассчитывает сейчас.

Впрочем, возможно, эта мысль оказалась не такой уж деловой, потому что сразу за ней последовала другая, гораздо более тихая и личная: Маша Орлова никогда в жизни не надевала корсетов, по утрам пила крепкий кофе и всегда точно знала, кто она такая и чего хочет.

После короткой паузы возникла ещё одна фраза, почти неслышная: теперь всем этим придётся заниматься Мире Каменной.

И она провалилась в сон.

ГЛАВА 2: «РЕВИЗИЯ: ВСЁ ХУЖЕ, ЧЕМ КАЖЕТСЯ»

Первую половину ночи Маша проспала в состоянии полного беспамятства, напоминающем обморок, однако остаток времени провела в бесплодных попытках устроиться на подушке, набитой чем-то средним между сухим сеном и опилками. В голове то и дело всплывали раздражённые мысли о том, почему в мирах, где существует магия, до сих пор никто не додумался до изобретения нормальных ортопедических матрасов.

Элис явилась ещё до рассвета, излучая неуместную для такого часа жизнерадостность, и принесла с собой кувшин ледяной воды вместе с неизменным корсетом, который держала наперевес как оружие. Перед сном Маша напрочь отказалась надевать корсет, приводя доводы, что ночью организм должен отдыхать, а не бороться за каждый глоток воздуха. Элис долго противилась, но в итоге согласилась, но твердо стояла на своем, что днём корсет обязателен.

— Доброе утро, миледи, надеюсь, вам спалось достаточно крепко? — прошептала горничная, ставя поднос на столик.

— Я спала так, словно всю ночь ворочалась на мешке с острыми булыжниками, поэтому дайте мне скорее воды.

Умывание ледяной водой заняло всего минуту, зато на борьбу с корсетом ушло не меньше пятнадцати. Маша проявила недюжинное упрямство, выторговав себе так называемую «городскую» затяжку вместо тугой бальной, и стояла на своём до последнего, пока служанка не уступила. Дышать всё равно было тяжело, но по крайней мере рёбра больше не трещали при каждом движении, как это было накануне.

— Вы сегодня выглядите совершенно иначе, миледи, — заметила Элис, заканчивая возиться со шнуровкой. — Вчера в вашем взгляде читалась растерянность, а сегодня вы собраны так, будто готовитесь к решающей битве.

— Это и есть самая настоящая битва — против долгов, тотального запустения и катастрофического отсутствия кофе в этом доме.

— Простите, миледи, чего именно вам не хватает?

— Не обращай внимания, это просто мысли вслух, лучше скажи, где сейчас находится Томас.

Управляющий уже поджидал её в главном зале, причём все бумаги теперь были разложены аккуратными, структурированными стопками, что явно свидетельствовало о пользе вчерашней взбучки. Маша уверенно заняла своё место за столом и, не тратя времени на светские вступления, сразу взяла быка за рога.

— У нас наметились три основных направления работы, и первым из них станет полная инвентаризация всего имеющегося имущества. Я должна знать, чем мы владеем, прежде чем решать, как этим распоряжаться. Второе: аудит расходов. Куда уходили деньги при мне прежней. Третье: мельница. Если верить вчерашнему списку, это наш единственный стабильный источник дохода. Хочу видеть её своими глазами. Вчера был беглый осмотр, сегодня — нормальный.

Томас моргнул.

— Помольный сбор, миледи? Вы никогда не интересовались...

— А теперь интересуюсь, — отрезала Маша. — Бернард здесь?

Кузнец явился через четверть часа — огромный, молчаливый, с руками, больше похожими на кузнечные молоты, и бородой до пояса. Он явно не понимал, зачем понадобился баронессе в такую рань, но вопросов не задавал. Маша оценила.

— Мельница, — сказала она без предисловий. — Что с ней?

— Колесо износилось. Лопасты менять надо. Вал треснул.

— Починить можно?

— Можно. Материалы нужны. Древесина на лопасти, железо на обручи.

— Сколько времени?

— Если всё будет — неделя.

— Что ещё требует ремонта? В поместье вообще. Говорите как есть, я не обижусь.

Бернард переглянулся с Томасом. Томас едва заметно пожал плечами — мол, говори, раз просят.

— Конюшня течёт. Печь на кухне дымит. В восточном крыле потолок просел. Окна на лестнице без стёкол. Мост через ручей подгнил.

Маша достала артефакт-книгу и начала записывать. Матильда, стоявшая у двери, тихо заметила:

— При старом бароне так не делали...

— Знаю. При старом бароне долг был ровно таким же, поэтому пробуем новый подход. — Маша повернулась к Томасу. — Сколько у нас людей, которых можно привлечь к работам?

— Крестьян? Душ сто пятьдесят в Каменном Броде, ещё полсотни в Ольшанах, сорок в Березниках.

— Трудоспособных мужчин?

— Половина. Может, чуть больше.

— Отлично. Сегодня едем в деревню. Я хочу видеть крестьян, поля и эту вашу мельницу. Томас — со мной. Бернард — со мной. Матильда — за старшую. К вечеру жду список всех слуг: кто чем занят и сколько получает.

— Слушаюсь, — сказала Матильда без обычного ворчания. То ли смирилась, то ли начала видеть в новом подходе смысл.

До деревни добирались верхом. Маша сидела в седле неуверенно — тело помнило, как ездить, но Машин мозг помнил только офисное кресло. Лошадь попала спокойная: старая кобыла по кличке Зола, не делавшая резких движений. Маша прекрасно понимала её состояние: дорога петляла среди полей, часть из которых заросла сорняком, а часть была вспахана кое-как, и лишь дальний участок у самого леса выглядел ухоженным.

— Кому принадлежит этот надел? — спросила Маша.

— Это общинная земля, — пояснил Томас. — Крестьяне для себя стараются. А вот эти поля, — он махнул в сторону заросших участков, — барские. Рабочих рук катастрофически не хватало.

Когда Маша поинтересовалась причиной нехватки людей, управляющий замялся и нехотя признался, что платили мало, а в последнее время не платили вовсе. Очередной долг, добавившийся к и без того внушительной копилке проблем.

Деревня Каменный Брод началась внезапно: возделанные земли кончились, и потянулись избы — десятка четыре бревенчатых строений с соломенными крышами, многие из которых покосились от времени и непогоды. В центре располагалась площадь с колодцем, а за ней виднелась деревянная церковь с луковкой-куполом.

На въезде путников встретил старейшина — сухонький мужичок лет шестидесяти с обветренным лицом и таким количеством морщин, будто он лично пережил все неурожаи последних трёх столетий. Он поклонился без тени подобострастия и сдержанно осведомился, какая нужда привела баронессу в деревню.

Маша спешила, чувствуя, как гудут натруженные ноги и ноет спина, но заставила себя держаться прямо.

— Приехала поговорить с вами. Вы и есть Гордей?

— Совершенно верно, это я, — кивнул старик.

Разговор затянулся на добрый час: Маша расположилась в низком бревенчатом доме старейшины с земляным полом и методично задавала вопросы один за другим. Гордей отвечал. Иногда вставлял реплики его сын, здоровый мужик лет тридцати.

Урожай в прошлом году был плохой — дожди залили озимые. В этом году пока терпимо, но сеять нечего: зерно на посев съели зимой. Скотина: пять коров на всю деревню, десяток коз, куры. Лошадей две. Налоги платили когда чем: зерном, шкурами, отработками. Деньгами — почти никогда. Мельница: да, плоха, но без неё беда — до соседней ехать полдня.

— А долги крестьян помещью? — спросила Маша напрямую.

Гордей замаялся, переглянулся с сыном.

— Должны. Кто ж не должен?

— Сколько?

— Да кто ж считал-то, миледи?

— Никто не считал, — Маша закрыла артефакт. — А должны были.

А между тем должны были. Именно в этот момент Маша наконец осознала, что не давало ей покоя ещё со вчерашнего дня. Учёт действительно существовал, но был на редкость однобоким: долги помещья расписаны до последней мелочи, а вот поступления выглядели крайне расплывчато. Строка «С деревни Каменный Брод двадцать крон» вызывала закономерные вопросы — сколько они должны были выплатить на самом деле, тридцать или сорок? И, самое главное, куда исчезала разница?

Поднявшись из-за стола, Маша поблагодарила Гордея и заверила, что дня через три пришлёт распоряжение насчёт посевной. Мельницу предстояло начинать чинить уже завтра, а крестьян она попросила помочь Бернарду, пообещав, что труд не останется безвозмездным и будет зачтён в счёт будущих податей.

Старейшина молча кивнул, однако на его лице явственно читалось сомнение, мешавшее с осторожной надеждой. За пять лет правления прежней Миры крестьяне успели привыкнуть к тому, что любые обещания так и остаются пустыми словами. «Ничего, — мысленно решила Маша, — со временем привыкнут и к тому, что слова подкрепляются делом».

Дорога назад прошла в тишине. Томас следовал позади, словно опасаясь попасться на глаза хозяйке или подчиняясь внезапному предчувствию беды. Маша анализировала факты, и схема выходила банальной: пользуясь беспечностью баронессы, управляющий годами присваивал разницу между реальными сборами и официальными отчётами. Прямых улик не хватало, однако профессиональное чутье менеджера со стажем редко давало сбой.

Вернувшись, Маша велела позвать экономку и спросила в лоб, кто именно из персонала занимается воровством. Матильда ответила не сразу, тщательно подбирая слова:

— Крадут почти все, но по мелочи, а вот Томас обирает вас по-крупному.

— По какой причине вы не сообщали об этом раньше?

— И что бы изменилось? — Матильда посмотрела на нее с горькой усмешкой. — Ваш батюшка доверял ему без оглядки.

— Я не собираюсь повторять ошибки отца.

— Это я уже заметила, — тихо произнесла женщина и покинула комнату.

Маша проводила ее взглядом, понимая, что экономка только что выдержала негласную проверку на лояльность.

Утро началось с допроса. Не с помпезного, как в плохих исторических фильмах, а с тихого, делового разговора в кабинете. Маша сидела за столом. Томас стоял напротив. Артефакт лежал раскрытым — книга уже сопоставила суммы, которые крестьяне называли в деревне, с теми, что значились в отчётах. Разница: примерно триста крон за прошлый год. Триста крон, которых нет ни в казне, ни в бумагах.

— Томас, — сказала Маша без захода издалека, — я знаю, что вы воровали.

Томас побелел. Не покраснел — именно побелел, как человек, который давно ждал этого разговора, но надеялся, что не случится.

— Миледи, я...

— Молчите. Сначала я скажу. Вы воровали систематически и, судя по документам, лет пять. При покойном бароне не делали этого — начали при баронессе Мире, зная, что она проверять не станет. Я права?

Томас молчал. Лицо его стремительно меняло оттенки — от белого к серому.

— Права, — выдавил он наконец. — Но, миледи, я не со зла... Так все делают.

— У меня два варианта. Первый: я передаю дело в графский суд. Воровство у господина — это, насколько я понимаю, не штраф. Второй: вы остаётесь на службе, но теперь на честной. Никаких левых денег. Никакой двойной бухгалтерии. Один прокол — и разговор будет коротким. Что выбираете?

— Второй вариант: вы остаетесь на службе, но теперь работаете честно. Никаких левых денег и двойной бухгалтерии. Если допустите хотя бы один прокол, разговор окажется недолгим. Что выбираете?

— Второе, — выдохнул Томас.

— Разумное решение. Тогда мои условия таковы: украденное вернете не сразу, понимаю, что деньги уже потрачены, поэтому долг отработаете. С сегодняшнего дня все счета ведете в двух экземплярах: один остается у вас, второй передаете мне. Жителей деревни больше не обманываете. Если узнаю, что брали с крестьян лишнее, обращаться в графский суд не стану — разберусь сама. Опыт общения с нерадивыми подчиненными у меня немалый.

Томас нервно сглотнул и молча кивнул, явно уловив смысл сказанного.

— Можете идти и проверьте посевное зерно. К вечеру принесите список: сколько есть в наличии и сколько придется докупить.

Управляющий вышел так поспешно, словно покидал королевские покои. Маша только теперь позволила себе спокойно выдохнуть. Она никогда не любила подобные разговоры, хотя многолетняя работа в логистике, где почти каждый квартал приходилось выявлять очередные откаты, давно научила ее вести такие беседы.

Артефакт едва заметно подмигнул и сообщил: «Эффективно, хотя риски никуда не исчезли.»

— Они никуда и не исчезают, — мысленно согласилась Маша. Книга задумалась и выдала: «Жизнь есть проект с открытой датой завершения».

Маша фыркнула почти по-настоящему. Если магический артефакт начал шутить, значит, рабочий контакт налажен.

До полудня она разбиралась с бумагами. Отчёты, счета, расписки, какие-то полуистлевшие грамоты. Часть документов была на староимперском — Маша не понимала ни слова, но артефакт услужливо переводил. Выяснилось, что поместье владеет участком леса на восточной границе — столетняя грамота закрепляла право вырубki за баронством.

— Лес? — переспросила она у Матильды. — Почему его не используют?

— Боятся. Там нечисто. Лешие и другая нежить. Крестьяне туда не ходят, только Агата-травница на опушке живёт.

Маша сделала запись в книге: «Лес — ресурс. Лешие — препятствие. Агата — потенциальный контакт».

Ближе к полудню пришел Бернард вместе с сыном. Мартину было лет семнадцать, жилистый парень с горящими глазами. Судя по всему, он сам напросился, потому что хотел увидеть новую баронессу, о которой уже третий день судачила вся округа.

— Прикинул, какие нужны материалы, — начал Бернард. — Для мельницы понадобятся дубовые доски, железные полосы аршин десять и полсотни гвоздей. Где все это возьмем?

— А раньше где покупали?

— У Фаддея, бродячего торговца. Через два дня он будет в Серебряном Посаде.

— Тогда поезжайте туда и купите все по списку.

Бернард смущенно кашлянул.

— Денег нет, миледи.

Маша ненадолго задумалась. Полторы кроны из ста двадцати казна еще выдержит, но сейчас каждая монета имела значение.

— Тогда поступим иначе. Найдите Фаддея и предложите сделку: материалы он отдаст сейчас, а оплату получит мукой после первого помола. Скажите, что баронесса Каменная гарантирует расчет в течение месяца. Если не поверит, пусть приезжает ко мне сам.

Бернард потер бороду, немного помолчал и кивнул.

— Попробую.

— А можно мне с отцом? — не выдержал Мартин. — Я помогу: лошадей запрягу и вообще...

Маша внимательно посмотрела на парня. Горящие глаза, нетерпеливые движения — обычный подросток, которому не терпелось выбраться навстречу любому делу. В прошлой жизни ей не раз приходилось нанимать таких курьерами: быстрые и энергичные, хотя за ними нужен был постоянный присмотр.

— Если отец не против.

Бернард только усмехнулся.

— Все равно увяжется, так что пусть едет.

Когда они ушли, Маша сделала новую запись в книге: «Мартин — энергия, нуждается в направлении. Потенциал: связной, помощник». Хороших людей всегда приходилось выращивать, даже в таком глухом феодальном уголке.

К вечеру зарядил нудный затяжной дождь, под который лучше всего было составлять планы. Маша устроилась в кабинете и принялась записывать первоочередные задачи.

Первым пунктом значилась мельница. Без нее рассчитывать на доход не приходилось. Бернард должен съездить в Посад, закупить материалы и начать ремонт. По ее расчетам, на это уйдет около двух недель.

Вторым пунктом стала посевная. Зерно имелось, но запасы были слишком скромными. Предстояло докупить недостающее и заодно ввести севооборот. Подробности Маша помнила смутно, однако в памяти все же сохранилось что-то об озимых, яровых и чередовании культур. Надо поговорить со знающим человеком — возможно, с травницей Агатой.

Пункт третий: долги. Выплатить восемь тысяч при доходе в семьдесят — невозможно. Единственный выход — договариваться об отсрочке. Сначала с налоговой, потом с бароном Волковым. Оба потребуют убедительных доводов — нужны расчёты. Артефакт с этим справлялся отлично.

Пункт четвёртый: слуги. Двенадцать человек, из которых не ворует только ленивый. Томаса она приструнила, но остальные пока работают по старым привычкам. Нужна прозрачная система: кто за что отвечает, сколько получает, кому докладывает.

— Кадры, бухгалтерия, логистика, — вслух сказала Маша. — Типичный набор проблем при фирме убыточного филиала. Только вместо Excel магическая книжка.

Книга мигнула: «Ожидаемый срок выхода в ноль — два с половиной года при текущих показателях. После оптимизации — одна целая восемь десятых».

Значит, придется улучшать то, что есть.

Дописав последний пункт, Маша ненадолго задумалась. День выдался долгим и тяжелым, но впервые с тех пор, как она очнулась в этом мире, вместо растерянности ощущала совсем другое чувство. Скорее, это был азарт.

Мир оставался чужим, его порядки казались странными, а корсет по-прежнему выглядел издевательством над человеческой анатомией. Зато сама задача была привычной: разобраться с хаосом, выстроить систему и заставить ее работать.

Люди тоже понемногу откликались. Матильда уже не ворчала по каждому поводу и охотнее помогала. Бернард делом показал, что на него можно рассчитывать. Даже Томас при всех своих грехах оказался неплохим управляющим, который слишком долго жил без надзора. Элис же оставалась преданной хозяйке, и такая верность дорого стоила, даже если рождалась из непонимания происходящего.

Маша закрыла книгу и поднялась. За окном медленно сгущались сумерки, и дождь размеренно стучал по ставням. С кухни тянуло запахом куриного бульона, который распорядилась сварить Матильда, а на конюшне Бернард уже готовил телегу к завтрашней поездке. Где-то в деревне старейшина Гордей гадал, что принесёт новая баронесса — добро или очередную беду, а где-то далеко, в столице, граф Серебряный, возможно, читал донесение о «странном поведении баронессы Каменной» и строил свои планы. Но всё это было далеко, пока ещё далеко. Маша потянулась, насколько позволял корсет, и пошла ужинать, поскольку завтра предстояло немало дел.

Ночью она никак не могла заснуть. Книга на тумбочке светилась голубоватым — тускло, но настойчиво, будто хотела что-то сообщить. Маша села и взяла артефакт в руки, и застёжка щёлкнула сама собой. «Обнаружена скрытая функция. Желаете активировать?» Какую именно? «Картографический модуль. Точность восемьдесят семь процентов». Маша выпрямилась, и сон мгновенно прошёл. Она согласилась, страница мигнула и начала заполняться линиями: границы баронства, река Серебрянка, поля, деревни. Замок — крошечная башенка. Карта была живой: участки меняли оттенок по плодородности, дороги обозначались пунктиром, а восточный лес уходил в серую дымку.

«Недостаточно данных. Магический фон искажает считывание».

Маша коснулась значка мельницы — карта послушно увеличила фрагмент. Коснулась полей — те раскрасились тремя цветами: синий — общинные, красный — барские, серый — заброшенные. Серого было больше всего.

— Можешь показать, где лучше сеять озимые?

«Вероятностный прогноз. Точность — шестьдесят два процента».

Жёлтые контуры обвели участки вдоль реки. Маша запомнила. Завтра сверит с тем, что скажет Гордей или травница Агата. Она уже собиралась закрыть книгу, когда пальцы сами вывели вопрос:

— Ты знаешь, кто я?

Книга погасла. Потом зажглась снова — медленно, будто думала.

«Вы — баронесса Мира Каменная. Психо-эмоциональный профиль изменился тридцать шесть часов назад. Причина не установлена. Рекомендуются наблюдение».

— Наблюдай, — разрешила Маша. — Только не мешай.

«Принято».

Свечение погасло. Маша откинулась на подушку. Артефакт знал, что она изменилась. Не знал причин — но зафиксировал факт. Интересно, кому он может это сообщить? И может ли вообще?

Она закрыла глаза. Перед внутренним взором всё ещё висела карта поместья — с границами, цветами и жёлтыми контурами будущих посевов. Завтра предстояло много дел.

ГЛАВА 3: «РАЗБОР ПОЛЁТОВ С УПРАВЛЯЮЩИМ»

Утро третьего дня началось с того, что Маша потребовала у Элис нормальный завтрак.

— Каша, — сказала она, глядя на поднос с очередной краюхой хлеба и куском холодного мяса. — На кухне умеют варить кашу?

— Умеют, миледи. Овсяную, с мёдом. Но вы же всегда говорили, что каша — еда для простолюдинов...

— Я передумала. Каша — это углеводы, углеводы — это энергия, а энергия — это работа, так что несите.

Элис умчалась на кухню, а Маша села к столу и раскрыла артефакт. Книга услужливо показала вчерашнюю карту, дополнив её новыми пометками: «Рекомендация: начать с реестра имущества».

— Сама знаю, — пробормотала Маша.

В дверь постучали. Томас явился ровно в восемь — как было велено — с пухлой папкой под мышкой и выражением лица, средним между «я исправился» и «меня сейчас будут казнить». Маша жестом указала на стул напротив.

— Садитесь и начнём с главного: реестр имущества. Мне нужно знать всё, чем владеет баронство — земля, постройки, скот, инвентарь, долговые обязательства наши и перед нами, всё в одной таблице.

— В одной... чём, миледи?

— В одном общем списке, — Маша взяла перо и стала чертить на пергаменте прямоугольник, разделив его на колонки. — Берём за основу вчерашние бумаги: я диктую структуру, вы заполняете, а потом мы всё сверим.

Следующие два часа прошли в методичной работе: девушка диктовала названия колонок — «название», «состояние», «оценочная стоимость» и «примечания», — пока Томас записывал, уточняя спорные детали, а артефакт параллельно дублировал записи у себя. Томас смотря на книгу, в которой само собой появлялись надписи, отодвинулся к краю стола.

К обеду таблицы были готовы, результат которых Машу не очень радовал: активов хватало лишь на пятьсот крон при долгах почти в восемь тысяч.

— Теперь составим план работ, — вздохнула Маша, — нужно расставить все наши задачи из таблицы по времени, определив, что за чем идёт и что от чего зависит: мельница займёт две недели, посевную будем делать параллельно, затем ремонт конюшни и налоги.

Она провела пальцем по странице артефакта, спросив, умеет ли он рисовать линии времени, где видно, сколько длится каждая задача и в каком порядке они следуют.

«Для графического отображения последовательности задач требуется образец».

Маша взяла перо и быстро набросала ту самую схему которую все рисовали на планерках на старой работе: горизонтальные полосы обозначали задачи, время откладывалось слева направо.

— Это называется диаграмма Ганта. Ремонт мельницы идет две недели, параллельно закупка зерна, а после помол и продажа муки. Раньше я постоянно такими пользовалась.

Книга перемигнула и начала заполнять страницу линиями, полосы расцветивались и выстраивались друг под другом: ремонт мельницы, посевная, закупка материалов, налоги, долг Волкову. Получилась почти диаграмма Ганта, кривоватая, без стрелок зависимостей, но абсолютно узнаваемая. Почти оно, выдохнула Маша. Только надо добавить связи между задачами, вот здесь: без ремонта мельницы не будет помола, а без помола не будет денег на налоги.

«Принято. Добавляю связи».

На странице проступили пунктирные стрелки. Томас наблюдавший за всем этим с видом человека впервые увидевшего фейерверк не выдержал:

— Миледи, а это зачем? Разве нельзя просто работать по порядку?

— Можно. Ты прав, но самый большой плюс в таких таблицах это то, что если, например, мельница задержится, сразу понятно что сдвинется дальше: продажа муки, деньги на зерно, посевная. Томас нахмурился, посмотрел внимательно и ткнул пальцем в одну из полос и сказал:

— Проверку недоимок лучше поставить раньше закупки зерна — если крестьяне вернут долг зерном, закупать придётся меньше.

Маша удивленно подняла бровь, это был первый раз когда Томас внес какое либо конструктивное предложение.

— Разумно. Книга, сдвинь.

Диаграмма перестроилась. В углу страницы артефакт без какого либо запроса нарисовал крошечного человечка с поднятым пальцем.

— А это ещё кто?

«Визуализация успешного планирования».

Человечек подмигнул и исчез.

— Артефакт с характером, — пробормотала Маша. — Ладно. Следующий шаг назначаем ответственных.

Она вызвала Матильду. Экономка явилась почти мгновенно, очевидно всё это время ждала за дверью.

— Матильда, с сегодняшнего дня ты главный контролер счетов. Все приходные и расходные записи проходят через тебя: Томас ведёт первичный учёт, ты проверяешь и визируешь, раз в неделю совместная сверка. На лице Матильды появилось недовольство, она поджала губы и сказала:

— При старом бароне... — У каждого счёта должен быть подтверждающий документ, — перебила Маша. — Расписка, накладная, договор. Никаких записей со слов. Томас, вам ясно?

— Так точно, миледи, — Томас явно скопировал интонацию Бернарда, и получилось почти убедительно.

— И вот ещё что. — Маша вытащила из стопки бумаг вчерашний список долгов. — Крестьянские недоимки. Вы мне вчера сказали, что они должны «кто сколько», а теперь мне нужны точные цифры: кто, сколько, с какого года. К вечеру.

Томас побледнел, но кивнул.

— Ступайте. Матильда, задержитесь.

Когда дверь за управляющим закрылась, Маша повернулась к экономке:

— Он попытается что-то утаить. Я не жду, что вы будете следить за каждым его шагом, но если заметите нестыковки — сразу ко мне. И ещё: кто у нас лучше всех разбирается в кухонных расходах?

— Повариха Герда. Но она неграмотная.

— Цифры может запоминать?

— Цифры — да.

— Тогда пусть записывает, сколько продуктов уходит в день, и раз в неделю сдаёт вам. Хочу понимать, на что мы кормим двенадцать слуг.

Матильда смотрела на неё долго, потом вдруг сказала:

— Знаете, миледи, когда вы три дня назад потребовали списки, я подумала — блажь. Но теперь думаю, что, может, и правда стоит попробовать иначе. Матильда улыбнулась впервые за три дня, и улыбка у нее оказалась светлой и мягкой. Маша вдруг подумала, что эта женщина годами волновалась за Миру и прятала тревогу за своим ворчанием, а теперь она видела, что ее девочка выросла и могла спокойно выполнять свои обязанности.

После обеда, когда Маша как раз расписывала план севооборота, Элис доложила о госте — деревенском священнике отце Вильгельме, который пришел проведать.

Отложив перо, Маша велела впустить его:

— Пусть войдёт. — Хотя в прошлой жизни с религией соприкасалась редко, лишь забега в церковь на Пасху освятить кулич по маминой просьбе.

Отец Вильгельм оказался маленьким старичком лет шестидесяти с совершенно лысой головой и добрыми внимательными глазами, одетым в простую рясу без позолоты со скромным деревянным крестом на шее. Он вошел, поклонился, и Маша сразу почувствовала: этот человек видит больше, чем говорит. Тихим спокойным голосом священник поздоровался:

— Баронесса, приветствую Вас. Решил навестить. Слышал, вы болели, а теперь вдруг — такие перемены. Волнуются люди в деревни.

Внутри у Маши все перевернулось, но снаружи она не показала волнение, а только спросила:

— Какие перемены? Отец Вильгельм чуть улыбнулся.

— Разные. Мельницу чинить начали. Управляющего к ответу призвали. В деревню сами приехали — впервые за пять лет.

— Это плохо?

— Напротив, хорошо. Но люди ко всему хорошему относятся с подозрением — слишком долго было иначе.

Маша жестом пригласила его сесть. Элис принесла травяной чай и исчезла. Священник взял чашку, сделал глоток и посмотрел на Машу поверх края.

— Я сорок лет служу в этом храме, миледи. Знал ещё вашего деда, потом отца, потом вас — совсем маленькой. За эти годы я кое-что понял.

— Что же?

— Что Господь иногда посылает нам испытания в самом неожиданном обличье. Иногда — даже в нашем собственном.

Маша замерла. Чай вдруг показался горьким.

— Это философский тезис? — спросила она осторожно.

— Скорее наблюдение. — Отец Вильгельм улыбнулся чуть шире. — Души находят путь домой разными дорогами: иной раз возвращаются туда, где уже были, иной раз — туда, где никогда не были, но должны оказаться.

Он знает, поняла Маша. Или догадывается.

— Отец Вильгельм, — сказала она медленно, — если бы вы заметили, что человек изменился... сильно изменился... что бы вы подумали?

— Я бы подумал, что этому человеку понадобилась помощь, и предложил бы её. — Он поставил чашку.

— Даже если этот человек не может объяснить, что именно изменилось?

— Тем более. Объяснения — это для ума, а помощь — для души. Я служу душам, а не умам.

Пауза затянулась. Маша смотрела в свою чашку, подбирая слова, потом решила:

— Мне нужна помощь с грамотностью. В деревне почти никто не умеет читать. Я хочу со временем открыть школу, но для начала — хотя бы научить считать и писать тех, кто работает в поместье. Вы согласились бы учить?

Отец Вильгельм просиял.

— Я ждал этого вопроса двадцать лет, дитя моё — с тех пор, как ваш дед отказался тратить деньги на «крестьянскую дурь». Конечно, я согласен.

— Бесплатно не прошу. Поместье заплатит зерном для храмовой пекарни: мы кормим сирот, и этого достаточно.

— Договорились.

Отец Вильгельм поднялся, но у двери задержался.

— Миледи, — сказал он уже другим тоном, более тёплым, — если когда-нибудь захотите поговорить не о делах, а о том, что тревожит и о чём не расскажешь другим, — приходите. Я умею слушать.

Он помолчал и добавил тихо:

— Вы не первая, кого жизнь поставила на место другого человека. Такое случается — редко, но случается. И те, кто выдерживает, обычно делают много добра.

Маша не нашлась что ответить. Когда дверь закрылась, она выдохнула так, будто только что сдала экзамен. Священник знал, или догадывался, или — и это было наиболее вероятно — просто был мудрым стариком, который многое видел и привык принимать людей такими, какие они есть.

Артефакт мигнул: «Рекомендация: принять предложение. Отец Вильгельм — потенциальный союзник высокой лояльности. Угроза разоблачения — минимальна».

— Ты иногда пугаешь меня, — сказала Маша книге.

«Принято к сведению», — ответила та.

К вечеру Томас принёс список крестьянских недоимок. Маша просмотрела его и прищурилась.

— Томас, вы серьёзно? Общая сумма недоимок — сорок крон? Три дня назад вы говорили, что никто не считал, а теперь вдруг точная цифра.

— Я всё пересчитал, как вы велели, — с трудом произнес Томас, избегая встречаться с Машей взглядом.

Маша молча развернула артефакт и вывела перед ним таблицу, после чего спокойно заметила, что при всей проделанной работе в расчетах обнаружились расхождения: крестьяне говорили о налогах примерно на сто двадцать крон, уплаченных зерном, шкурами и отработками, тогда как в отчетах значилось лишь семьдесят, и разницу в пятьдесят монет ей хотелось бы увидеть внятно объясненной.

Томас молчал, растерянно утирая вспотевший лоб, а миледи ровным тоном добавила, что ответа сейчас не требует, однако к утру ждет полный отчет за три года и при подтверждении недостачи предложит обсудить дело без суда.

Томас пробормотал согласие и, пятясь, вышел за дверь под ее пристальным взглядом; в коридоре он привалился к стене, стараясь унять сердцебиение и дрожь в руках, затем добрался до своей каморки под лестницей, сел на топчан и достал измятый листок с настоящими расчетами, где за пять лет мелкие приписки и сговоры с поставщиками сложились в тысячу сто сорок крон — сумму, за которую вполне можно было угодить в тюрьму.

Он вновь увидел взгляд баронессы, когда она спокойно произнесла, что ей известно о его воровстве: в этих глазах не было ни вспышки гнева, ни слез, только холодная отстраненность графского судьи, когда-то отправившего его отца на рудники. И все же она не стала губить его сразу, а оставила возможность исправить содеянное, тогда как прежняя Мира расплакалась бы, махнула рукой и уже на следующий день забыла о проступке. Новая хозяйка считала каждую монету и смотрела так, словно видела его насквозь, и от этого становилось не по себе.

Он прикинул, что мог бы собрать пожитки, оседлать лошадь и скрыться в соседнем графстве, однако кому там нужен управляющий с сомнительной репутацией; мысль о подделке бумаг тоже мелькнула, но баронесса замечала фальшь слишком легко. Оставался путь, о котором она упомянула сама, предлагая отработать недостачу честным трудом.

Томас не считал себя дурным человеком, хотя жадность и слабость не раз брали верх, когда прежняя хозяйка не заглядывала в счета, и теперь он понимал, что подобных поблажек больше не будет. Он достал чистый лист и впервые за долгие годы принялся писать без приказа сверху: «Список крестьянских недоимок, полный и без утайки...» Рука дрожала, перо скрипело, однако строки ложились на бумагу удивительно ровно. Он писал и думал о том, что, может быть, именно этого ему и не хватало все эти годы — кого-то, кто пришёл бы и сказал: хватит, дальше только честно. Кого-то, кого он боялся и уважал.

Вечером Маша сидела в кабинете и пересматривала карту. Жёлтые контуры озимых теперь казались не просто предложением артефакта, а настоящим планом: если посеять там, где влага от реки, урожай будет лучше; если ввести севооборот — поля перестанут истощаться; если починить мельницу — крестьяне повезут зерно к ней, а не к соседям. Три «если», три направления удара.

Элис заглянула в дверь:

— Миледи, ужинать. Матильда бранится — вы опять опаздываете.

— Иду. Элис, скажите, а в деревне многие умеют читать?

— Почти никто. Только отец Вильгельм, старейшина Гордей да сын мельника — он в городе учился. А зачем вам?

— Хочу, чтобы все умели.

Элис моргнула.

Элис на минуту застыла с открытым ртом а потом спросила:

— Все? И крестьян тоже?

— Конечно. Крестьянин, который умеет читать никогда не подпишет кабальный договор по незнанию, грамотная кухарка всегда будет точна в расходах, грамотный кузнец сможет делать верные чертежи. — Маша встала. — В общем, там, где я училась, образование — это право каждого человека, а не привилегия.

Элис задумалась, потом подняла глаза:

— А меня научите?

— Прямо сейчас и начнём. Садитесь.

Элис застенчиво опустила на стул рядом с письменным столом. Маша достала чистый лист пергамента, перо, чернильницу и крупными буквами вывела: «А, Б, В».

— Это алфавит, буквы, из которых складываются слова. Ваше имя — вот, смотрите: Э-Л-И-С.

Элис смотрела на буквы как на магические руны — с непониманием, но с восторгом.

— Моё имя, — прошептала она. — Я могу его прочитать. Элис восторженно захлопала в ладоши.

— Теперь попробуйте написать сами. Вот перо.

Элис взяла перо осторожно, двумя пальцами, явно не зная, с какой стороны братья. Первая попытка написать букву «Э» получилась не очень: она вышла размером с кулак и заляпала чернилами пол-листа, вторая получилась уже лучше. На пятой попытке буква «Э» стала почти ровной, а когда дошло до «Л», Элис вспотела, но не сдалась. Когда она дописала своё имя до конца и уставилась на кривоватые, но узнаваемые буквы, то вдруг всхлипнула.

— Я никогда не думала, что смогу. Отец говорил, что это не для нас.

— Отец ошибался. Через месяц сможете прочитать всё, что захотите. Любовные письма, например.

Элис вспыхнула и захихикала сквозь слёзы.

— Ой, миледи, скажете тоже...

— Урок окончен, завтра продолжим.

Элис вскочила, прижала листок с буквами к груди, как сокровище, и выпорхнула за дверь. Маша проводила её взглядом и почувствовала что-то тёплое в груди — может, это был первый человек в этом мире, которого она по-настоящему осчастливила. Пусть и таким пустяком, как пять букв.

За ужином Матильда подала суп — куриный, с клёцками, явно старалась. Маша ела и думала о том, что третий день подходит к концу, а она уже знает слуг по именам, разобралась с долгами, приструнила Томаса, нашла союзников в лице Матильды и отца Вильгельма и начала планировать посевную — неплохой прогресс для человека, который три дня назад приходил в себя от паники в чужом теле.

Засыпая, она вдруг вспомнила прошлую жизнь — не работу, хотя работой она всегда жила, а что-то другое: корейские дорамы на ноутбуке, кофе с корицей из стеклянной кружки, запах дождя за окном офиса на пятнадцатом этаже, мамин голос по выходным: «Маш, ты когда замуж-то?» Прошло три дня, а казалось — три месяца или целая жизнь.

— Скучаю, — сказала она тихо, сама не зная кому. — Но справлюсь.

Артефакт на тумбочке мигнул: «Принято». Потом добавил без запроса: «Психологическое состояние владельца: стабильное. Рекомендация: сон не менее семи часов».

— Ты теперь ещё и психотерапевт?

«Функция не предусмотрена. Просто наблюдение».

— Наблюдатель из тебя так себе, но всё равно спасибо.

Книга помигала, добавила «не за что» и погасла. Маша закрыла глаза и уснула.

ГЛАВА 4: «ОПЕРАЦИЯ "МЕЛЬНИЦА»

Бернард с Мартином вернулись из Серебряного Посада в полдень на четвёртый день. Телега была нагружена полностью. Там было все, что просила Маша для ремонта мельницы: дубовые доски, железные полосы и мешок гвоздей. Мартин сидел поверх груза и сиял так, будто лично руководил всем процессом.

— Фаддей согласился, — доложил Бернард, спрыгивая с телеги. — Все запрошенные материалы выдал. Оплата мукой через месяц. Сказал: «Если баронесса обманет — в следующий раз даже разговаривать не буду».

— Не обману, — с улыбкой ответила Маша. — Выезжаем прямо сейчас. Обед подождёт.

Она позвала Томаса, и сказала ему седлать лошадей — и уже через полчаса маленькая процессия направлялась к реке. Маша, Томас, Бернард и Мартин ехали верхом, телега с материалами громыхала следом. Настроение было приподнятое, Маша напевал что-то себе под нос и даже погода подыгрывала: после вчерашнего дождя небо очистилось, и солнце заливало поля ровным желтым светом.

Мельница стояла на отшибе, у реки Серебрянки — небольшое каменное здание с покосившейся крышей и огромным деревянным водяным колесом, которое выглядело так, будто последний раз оно крутилось при прошлом императоре. У дверей их встретил мельник Евстигней — тощий, согбенный мужик с вечно недовольным лицом и длинной бородой.

— Баронесса! — всплеснул он руками вместо приветствия. — Наконец-то! Я уж думал, помру раньше, чем дождусь! Всё пропало, говорю вам, всё пропало! Колесо не крутится, крыша течёт, амбар пустой!

— Поэтому мы здесь, — перебила Маша. — Показывайте.

Осмотр занял полчаса. Бернард молча лазил по конструкциям, щупал вал, простукивал лопасти, цокал языком. Мартин крутился рядом и явно мечтал, чтобы ремонт оказался опасным приключением, а не рутинной работой. Евстигней ходил за ними по пятам и непрерывно причитал:

— Прошлой осенью ещё скрипело, но вертелось. А зимой встало. Я говорил старому барону — почини колесо, почини! А он... упокой боги его душу... всё откладывал. А потом помер. А баронессе не до того было...

Маша не отвечала. Она стояла у колеса и смотрела на щепки, торчавшие из лопастей, на треснувший вал, на мох, которым заросла нижняя часть механизма. В прошлой жизни она бы вызвала технадзор и подрядчика. Здесь подрядчиком был Бернард, а технадзором — она сама.

— Ну? — спросила она, когда кузнец закончил осмотр.

— Колесо менять надо. Вал — тоже. Лопасты — все четыре. Крыша над жерновами — три доски заменить и дыру залатать. Механизм цел — это хорошо.

— Сколько времени?

— С помощниками — неделя. Может, дней десять.

— А помощники есть?

Бернард кивнул в сторону деревни:

— Гордей вчера сказал — пришлёт пятерых. В счёт податей.

Маша мысленно поблагодарила старейшину. Значит, разговор в деревне два дня назад не прошёл даром.

— А если магией? — спросила она вдруг. — Артефакты какие-нибудь? Ускорители?

Бернард покачал головой:

— Можно. Но дорого. Артефактор за такой ремонт возьмёт крон пятьдесят, не меньше. Это если в городе найдёте. А если из столицы выписывать — все сто.

— Понятно. Значит, без магии.

Крестьяне явились к полудню — пятеро мужиков, хмурых и молчаливых. Маша подозревала, что Гордей отобрал не самых умелых, а самых громкоголосых, чтобы отдохнуть от них в деревне, но выяснять не стала. Бернард раздал указания, и работа началась.

Мартин проявил неожиданную расторопность — бегал с инструментами, таскал доски, подавал гвозди и при этом успевал комментировать происходящее с энтузиазмом военного летописца.

— Дядя Бернард вал снимает! — докладывал он Маше так, будто она не стояла в десяти шагах. — Говорит, трещина сквозная! Если б ещё месяц — развалилась бы совсем!

— Я вижу, Мартин.

— А колесо! Вы посмотрите на колесо! Две лопасти гнилые, одна надломана, четвертая вообще непонятно на чём держится!

— Мартин, — не выдержал Бернард, — лучше подай молот.

К вечеру первого дня сняли старые лопасти и разобрали половину колеса. Евстигней, который первые часы причитал над душой, к закату притих и даже притащил из дома кувшин кваса и кружки. Маша сидела на перевёрнутом ящике и смотрела, как мужики обсуждают, что и кто завтра будет делать.

Утро второго дня началось с неприятного известия. Матильда перехватила Машу у выхода из замка и тихо доложила:

— Миледи, мука на кухне кончается. Крупы — на три дня. Масла нет совсем. Я бы купила, но...

— Денег нет, — закончила Маша.

— Именно так. — Маша задумалась над ситуацией. — Сто двадцать крон в казне — финансовая подушка на самый экстренный случай, и тратить её на крупу было бы преступлением против финансовой логики, но оставлять слуг без хлеба и жалования тоже нельзя. Что у нас есть из ценного, что можно продать без ущерба для хозяйства?

Матильда помолчала, потом осторожно предложила:

— В заколоченной комнате восточного крыла стоит старая мебель — стулья с резными спинками, комод красного дерева, трюмо. Пыльное, но всё целое, дерево дорогое, должно уйти за хорошую цену. При старом бароне это стояло в гостевых покоях, а потом...

— Матильда, да это же замечательная идея! — Маша схватила её за руки. — Немедленно позовите ко мне Томаса.

Через час Томас уже ехал на телеге в Серебряный Посад с грузом старой мебели. Маша напутствовала его коротко: «Продать за любые деньги, но не меньше десяти крон, и на всё про всё один день».

На мельнице тем временем заспорили о жерновах. Евстигней настаивал на особом способе очистки с прокаливанием и пемзой, а Бернард говорил, что проще обтесать заново. Спор перешёл в крик, и Маше пришлось выступить третейским судьёй в этом конфликте.

— Евстигней, насколько мне известно, вы проработали на мельнице целых сорок лет и знаете жернова как собственную жену. Если настаиваете на прокаливании, тогда будем прокаливать, но исключительно под вашу ответственность. Если после очистки помол окажется хуже, чем при старом бароне, я непременно вспомню этот разговор.

Евстигней заметно надулся от собственной важности и следующие два часа лично руководил процессом, гоня крестьян с такой суровостью, будто от качества их работы зависела судьба целой империи.

К вечеру домой вернулся Томас, который привёз одиннадцать крон, мешок крупы, бочонок масла и свежие городские новости.

— Фаддей интересовался, когда будет готова мука, поскольку спрос в городе держится неплохой. Торговец также выяснял, не согласитесь ли вы продать ему тот странный артефакт, по поводу которого вы с ним вели переговоры.

— Что ты ему ответил на эти расспросы?

— Сказал, что артефакт не продаётся ни при каких обстоятельствах, а мука будет готова через неделю.

— Правильно поступил, теперь можете идти ужинать.

Томас явно колебался, словно хотел добавить что-то важное.

— Есть ещё одна новость, миледи. В городе поговаривают, что граф Серебряный проявляет интерес к нашим делам — расспрашивает про ремонт мельницы и интересуется тем, как вы управляете хозяйством. Его люди бродили по рынку и выспрашивали подробности у торговцев. Маша напряглась.

— Пусть интересуется — мы ничего незаконного не делаем, наоборот, начали приводить баронство в порядок.

— Так-то да, но граф человек настойчивый. Если он что-то задумал...

— Вот когда задумает, тогда и будем думать. Пока мельница на первом месте, от неё зависит доход.

На третий день Бернард учил Мартина работать с инструментом, и это было зрелище одновременно трогательное и комичное. Мартин, выросший при кузнице, в теории знал каждую железку, но на практике пытался взяться за всё сразу и испортить если не заготовку, то собственные пальцы. Бернард поправлял его короткими репликами:

— Не так, левее бери. Молот не тискай — он не девица, бей свободно.

К полудню Мартин посадил занозу, ударил себя по пальцу и едва не уронил готовую лопасть в реку, однако к вечеру уже уверенно держал стамеску и даже сам вырезал паз для крепления. Маша смотрела на них и думала, что через пару лет из парня выйдет отличный мастер — если не сбежит в наёмники.

После обеда пришёл Гордей, постоял, посмотрел на работу и хмыкнул:

— Быстро у вас. — Я думал, дольше провозятся.

— Толковый кузнец, — сказала Маша. — И люди у вас работающие.

Гордей польщённо кашлянул.

— В Олышанах сеять начали по-старому, без этих ваших... севооборотов. Староста говорит: деды так сеяли, и мы будем.

Маша нахмурилась.

— Передайте, чтобы придержали посев. Я завтра-послезавтра сама приеду и объясню — по-старому значит без урожая, а без урожая опять долги.

— Скажу, — Гордей вздохнул. — Только не послушают, упрямые они, олышанские.

— Не просите, а велите от моего имени. Скажите старосте, что баронесса приказала, и если послушаются — буду сама разбираться.

Гордей посмотрел на неё с любопытством.

— Раньше вы так не разговаривали.

— Раньше многое было иначе.

Старейшина кивнул и ушел, а Маша проводила его взглядом. Она понимала: крестьяне проверяли её на прочность — испугается, отступит значит, можно дальше жить по-старому, не отступит — придётся подчиняться. Что ж, отступать она не собиралась.

На четвёртый день пошёл дождь — не мелкий весенний, а настоящий ливень стеной. Работа встала на полдня, и мужики сидели под навесом у мельницы, пили горячий отвар из трав, который заварила Евстигнеева жена, и травили байки.

Евстигней рассказывал про прежних баронов — как дед Миры, маг-артефактор, однажды устроил над деревней северное сияние, чтобы порадовать жену. Как отец Миры судился с графом Серебряным из-за леса и выиграл суд, но нажил врага на всю жизнь.

— Граф тогда поклялся, что вернет эти земли, — рассказывал мельник, прихлебывая отвар. — Говорил: «Не я, так мои дети. Не дети, так внуки, но лес будет мой». Старый барон его выставил, и с тех пор граф к нам ни ногой, только письма шлет.

Маша слушала внимательно — воспоминания прежней Миры об этом молчали, видимо, ей не рассказывали, хотя информация была полезной. Мартин развлекал всех историями про столичных наемников — врал наполовину, но так увлеченно, что никто не перебивал. Бернارد дремал, прислонившись к стене, а крестьяне играли в кости на щепки.

К полудню дождь стих, и работа возобновилась. К вечеру доделали крышу над жерновками, а пятый день прошел без происшествий — шлифовали детали, подгоняли крепления, добирали мелочи. Маша поймала себя на том, что начинает понимать плотницкие термины. Слова «шпунт», «паз» и «шип», еще неделю назад казавшиеся ей пустым звуком, теперь обрели вполне конкретное значение, и она даже пару раз подсказала крестьянам, как удобнее нести тяжелую доску — помог опыт переездов из прошлой жизни, когда приходилось самой таскать коробки с документами на пятый этаж без лифта.

Когда к исходу пятого дня Бернارد объявил о завтрашнем пробном пуске, эту новость встретили дружным одобрительным гулом, и даже вечно недовольный Евстигней перестал наконец причитать, принявшись готовить амбар к приему первой муки.

На шестой день воду пустили в желоб, отчего лопасти колеса вздрогнули и провернулись — сначала медленно, а затем все быстрее и увереннее, пока внутри мельницы протяжно не загудели тяжелые жернова. Буквально через минуту наружу выскочил сияющий Евстигней с горстью теплой белой муки на ладони, заставив крестьян восторженно заорать, пока Мартин прыгал выше всех и кричал миледи, что дело пошло. Сквозь эту ликующую толпу Маша пой-

мала взгляд Бернарда — кузнец молча кивнул ей, и в этом простом жесте читалось искреннее признание ее заслуг.

Праздник устроили тем же вечером прямо у мельницы, куда жена Евстигнея принесла огромный пирог с капустой, а мужики выкатили бочонок пива. Сама Маша пристроилась в стороне на перевернутом деревянном ящике и просто смотрела, как ее команда — теперь уже по-настоящему ее! — весело смеется и оживленно обсуждает завтрашний помол. Томас, раскрасневшийся от пива, подсел и сказал:

— Если мельница заработает как надо, мы за месяц намолотим столько, что хватит и на долг Волкову, и на налоги.

— И на жалованье слугам, — добавила Маша.

— И на жалованье. Я задержал его, миледи. За три месяца. Надо раздать. Завтра же.

— Раздайте. И ведомость мне на стол.

— Будет сделано.

Поздно вечером Маша вернулась в замок. Усталая, пропахшая речной водой и древесной пылью, но вполне довольная результатами дня, Маша вернулась домой. Элис помогла ей раздеться и, пользуясь удобным случаем, принялась излагать свежие деревенские сплетни.

— В деревне поговаривают, что вы самая настоящая колдунья, но исключительно в хорошем смысле этого слова! Крестьяне уверены, что вы заговорили мельничное колесо, и теперь оно само завертелось по вашему желанию. Существует также версия, что вы являетесь призракком старого барона, только обретшим новый ум и другие намерения.

— Интересно узнать, какая именно версия кому больше по душе?

— Версия с призраком никого не вдохновляет — крестьяне её побаиваются. Зато история про колдунью пришлась по вкусу многим жителям деревни, особенно молодёжи. Мартин теперь всем рассказывает, будто вы с помощью таинственного артефакта научились управлять самой погодой.

— Погодой я управлять не умею, это выдумки.

— Конечно, понимаю, но не запрещайте им так думать — крестьянам подобные истории очень нравятся.

Элис замялась, принявшись нервно теревить в руках шёлковую ленту для волос.

— Что-то ещё тебя беспокоит? — поинтересовалась Маша, заметив замешательство служанки.

— Деревенские также поговаривают про графа Серебряного и его недавние действия. Крестьяне утверждают, что его доверенный человек появлялся в деревне два дня назад и старательно расспрашивал местных жителей про вас. Незнакомец побывал у Гордея, заходил к мельничихе, даже наведлся к отцу Вильгельму — формально пришёл помолиться, а на деле внимательно поглядывал по сторонам.

Маша заметно нахмурилась, понимая, что Томас несколько не преувеличивал — граф действительно начал систематически собирать информацию о её деятельности. Если его представитель добрался даже до деревни, то интерес графа определённо не носит праздного характера.

— Можешь припомнить, что именно этот человек расспрашивал у крестьян?

— Самые разнообразные подробности: как баронесса ведёт хозяйство, какие у неё планы на будущее, не проявляет ли она недовольства по отношению к крестьянам. И ещё спрашивал, не приезжал ли кто чужой в замок, не появился ли у баронессы новый... советник.

— Советник?

— Ну да. Они думают, что у вас появился кто-то умный, кто вам помогает — не может же баронесса сама так измениться.

Маша усмехнулась. Значит, граф искал рациональное объяснение и не мог поверить, что легкомысленная Мира взялась за ум. Ищет тайного советника. Это хорошо. Пусть ищет. Пока он ищет несуществующего советника, он не ищет попаданку из другого мира.

— А обо мне что в деревне думают? — спросила она. — Не графские шпионы, а наши? Элис оживилась:

— По-разному. Гордей говорит — дай срок, увидим. Евстигнеева жена вас хвалит — за то, что мужикам работу дали. Пекарь ждёт муки, волнуется. А сын мельника... ну, который в городе учился... он говорит, что вы не колдунья, а просто умная.

— Умная — это хорошо.

— Ещё отец Вильгельм сказал на проповеди, что перемены бывают от Бога и не надо их бояться. Так что теперь некоторые думают, что вы божественное знамение.

Маша вздохнула:

— Колдунья, призрак, знамение... Пусть думают что хотят, лишь бы работали.

Элис хихикнула и принялась распускать шнуровку.

— А вы, миледи, кто на самом деле?

Маша встретила с ней глазами в зеркале. Вопрос прозвучал без подвоха — простое любопытство.

— Баронесса, — сказала она. — Просто баронесса.

Элис кивнула, но по глазам было видно: не поверила.

Когда служанка ушла, Маша села к столу и открыла артефакт. Книга снова выдала вечернюю рекомендацию: «Связаться с управляющим барона Волкова. Совместная продажа муки увеличит доход на сорок процентов».

— Связаться, — пробормотала Маша. — Легко сказать.

Она помнила Даниэля Серого по обрывочным воспоминаниям прежней Миры. Высокий, жилистый, с темными волосами и вечно недовольным лицом управляющий Волкова был обедневшим рыцарем. На всех приемах стоял в углу и смотрел на танцующих с таким видом, будто его заставили присутствовать силой. Прежняя Мира его побаивалась, а нынешняя Маша видела в нем потенциального партнера, но как к нему подступиться пока не знала.

— Напишем письмо, — сказала она вслух.

Маша достала лист пергамента, перо, чернильницу и замерла в раздумьях. «Уважаемый господин Серый...» — нет, слишком официально. «Даниэль...» — слишком фамильярно. «Управляющему Волкова...» — холодно. Она переписывала начало трижды, пока артефакт наблюдал за этим с молчаливым неодобрением, а потом выдал: «Рекомендация: нейтральное обращение. "Господин управляющий". Далее по существу».

— Хороший совет, — хмыкнула Маша и начала писать.

«Господин управляющий, обращаюсь к вам по деловому вопросу. Мельница баронства Каменный Брод восстановлена и готова к работе. Прогнозируемый объём помола — до двухсот пудов в месяц. Полагаю, что совместная продажа муки с поместьем барона Волкова может быть выгодна обеим сторонам. Если вас интересует подобное сотрудничество, предлагаю встретиться и обсудить условия. С уважением, баронесса Мира Каменная».

Она перечитала написанное. Сухо, но грамотно, без эмоций — то, что нужно для первого контакта. Даниэль Серый, судя по всему, эмоций не любил и в переписке ценил точность, по крайней мере, так ей казалось.

Маша запечатала письмо и отложила до утра — завтра Томас отвезёт его в Волчью Падь, а там будь что будет. Она закрыла артефакт и забралась в постель. Где-то вдалеке шумела Серебрянка, и ветер доносил с мельницы запах свежей муки. Маша Орлова никогда не думала, что запах муки может пахнуть победой, но пах — ещё как пах.

ГЛАВА 5: «ЗНАКОМСТВО С ТЁМНЫМ ЛЕСОМ»

Утро началось с того, что Маша проснулась выпавшейся. Не потому, что сено в подушке вдруг превратилось в memoryfoam (не превратилось). А потому, что она наконец-то догадалась положить под спину сложенное одеяло. Матрас, конечно, не изменился. Но позвоночник перестал выражать протест.

— Элис, — позвала она, когда горничная вошла с кувшином, — у нас есть свободные одеяла?

— Конечно, миледи. Три штуки в сундуке в восточном крыле.

— Заберите одно. Я научу вас, как складывать, чтобы спать было мягче.

Элис округлила глаза, но спорить не стала. За последнюю неделю она привыкла, что баронесса иногда говорит странные вещи — например, «подушка должна поддерживать шею» или «в комнате нужен свет, чтобы не портить глаза». Странные, но почему-то правильные. Элис подошла к кувшину, провела над ним рукой — и вода едва заметно задымилась.

— Вы чего это? — спросила Маша, подозрительно глядя на кувшин.

— Подогреваю, миледи. Вы же не любите холодную воду. — Элис заметно замялась:

— Это всего лишь бытовая магия, самая малость, я ведь думала, что вы и без меня об этом знаете.

Маша озадаченно моргнула, потому что и впрямь ничего такого не знала. В свой первый день здесь она поморщилась, когда Элис принесла ей ледяную воду, и с тех пор вода всегда оказывалась теплой, вот только Маша списывала это на то, что служанка попросту успевает донести ее прямо с кухни. А выходит, дело было в самой настоящей магии — слабой, бытовой, но все же реальной.

— А вы не могли бы показать мне это еще разок? — попросила она.

Элис смутилась, однако провела ладонью над пустой кружкой, и та едва заметно засветилась изнутри, а через пару секунд на ее дне забулькала вода, причем откуда она вообще взялась, Маша так и не поняла, но вода и правда была теплой

— Я умею только воду подогревать да молоку не давать скисать, — призналась девушка. — Вот мама моя могла на расстоянии узлы развязывать, а я этому так и не выучилась.

— Так и этого вполне достаточно, — сказала Маша и вдруг улыбнулась. — Вы большая молодец, Элис, настоящий бытовой волшебник.

Элис зарделась от похвалы и принялась заплетать косу с удвоенным усердием.

За завтраком Маша развернула артефакт и пробежалась взглядом по своему плану. Мельница исправно работала, а Евстигней, наконец-то переставший вечно причитать, теперь с утра до самой ночи пропадал возле жерновов и даже стал улыбаться, что выглядело жутковато, но в то же время весьма обнадеживающе. Первая партия муки ушла Фаддею в счет оплаты материалов, а вторую отправили на продажу в соседние деревни. Томас, напуганный до полусмерти, вел строгий учет с фанатизмом бухгалтера, у которого отобрали все сбережения. Бернард с Мартином тем временем переключились на конюшню, поскольку старая крыша совсем прохудилась, и лошади уже начинали кашлять от сырости.

Оставалась лишь одна проблема, которую Маша упорно откладывала последние три дня — это был Восточный лес. Вчера вечером артефакт выдал новую тревожную метку о том, что строевой лес имеет ограниченную доступность из-за нестабильного магического фона и нуждается в обследовании.

— Обследовать, — пробормотала Маша, наливая себе травяной чай, так как кофе в этом мире, по всей видимости, не существовало, хотя следовало бы уточнить этот вопрос.

— Легко сказать, когда там водятся лешие, — раздался голос Матильды, которая бесшумно вошла в комнату с подносом свежего хлеба. — «И это далеко не всё, ведь там живет травница Агата».

Матильда заметно замялась, неуверенно переступая с ноги на ногу.

— Знаете, миледи, я тут подумала... При старом бароне мы ведь лес никогда не трогали, потому что он всегда повторял, будто лес не только кормит, но и требует плату взамен. Может быть, нам стоит оставить его в покое?

— А чем в таком случае прикажете крыши чинить? — резонно поинтересовалась Маша, внимательно глядя на экономку. — У нас доски кончились. Через месяц начнутся дожди, и восточное крыло рухнет.

Матильда вздохнула, но спорить не стала.

— Агата неопасная, миледи. Просто... странная. В лесу одна живёт, с духами разговаривает. Крестьяне её боятся, хотя она лечит.

Маша задумалась. В сеттинге (мысленно она называла это «параметрами мира») Агата была потенциальным союзником. Судя по досье из артефакта — сильная природная магия, живёт на опушке, знает лес.

— Я съезжу к ней сегодня, — решила Маша.

Матильда перекрестилась.

— Миледи, может, лучше Томаса послать?

— Томас, я должна сама с ней познакомиться.

Элис, помогавшая с корсетом, радостно вскинулась:

— А можно я с вами?

— Нет. Вы останетесь и продолжите учить буквы.

Улыбка сползла с лица горничной, но спорить она не посмела. Зато полчаса спустя, когда Маша уже седлала Золу, к ней подошёл Мартин — взъерошенный, с горящими глазами.

— Миледи, вы в лес? К Агате?

— Да. А ты откуда знаешь?

— Весь замок уже знает, — парень просиял. — Возьмите меня с собой! Я хожу туда иногда, за травами для отца. Агата меня знает, не боится. И вообще, одной не ходите — тропы там запутанные, можно заблудиться даже не заходя глубоко.

Маша смерила его взглядом. Семнадцать лет, куча энергии, ноль страха. В прошлой жизни таких брали стажёрами и первые полгода не выпускали одних. Но в этом мире семнадцатилетний парень уже считался вполне самостоятельным.

— Ладно. Но если скажу «назад» — поворачиваем без разговоров.

Наконец-то все было готово. Выехали они примерно через час — Маша, Мартин и Томас, которого она прихватила с собой в качестве человека с картой, ведь артефакт, конечно, исправно прокладывал маршрут, но Томас знал тут все тропы наперечёт и вполне мог пригодиться в случае чего. Дорога сначала вилась вдоль Серебрянки, потом нырнула в мелкий перелесок, а ещё через полчаса уперлась в настоящую стену из деревьев.

На востоке лес выглядел совсем иначе, чем привычные глазу чащи. Деревья здесь стояли гораздо плотнее, а ветви переплетались между собой так густо, что солнечный свет пробивался сквозь них с большим трудом. В воздухе пахло вовсе не грибами и прелой листвой, а чем-то горьковатым и металлическим, напоминающим озон после недавней грозы.

— Это все магия, — пояснил Мартин, заметив, как Маша принюхивается. — Здесь очень сильный фон, отец говорит, что артефакты в этом лесу порой словно сходят с ума.

Артефакт в сумке тут же мигнул и вывел: «Магическое поле повышенное, рекомендуется не задерживаться». Маша застегнула сумку плотнее.

— А как же Агата ухитряется тут жить?

— Так она своя для этих мест, духи её принимают, — Мартин понизил голос почти до шепота. — Поговаривают, будто она когда-то давно им что-то пообещала, а может, и вовсе отдала, но точно я не знаю и расспрашивать не пробовал, с нее ведь любое станется.

Хижина знахарки притаилась на небольшой поляне у самого ручья — приземистый сруб из почерневших от времени бревен укрывала поросшая мхом крыша, покосившаяся дверь выглядела совсем ненадежной, а единственное окошко было затянуто мутным мочевым пузырем. Вокруг дома виднелись заросли высоких сорных трав и загадочные каменные круги, выложенные прямо на сырой земле.

Спрыгнув с коня, Маша сделала несколько шагов по направлению к дому.

— Хозяева, дома есть кто-нибудь? — громко крикнула она в сторону темного крыльца.

Тяжелая дверь со скрипом отворилась, выпустив наружу густой запах очажного дыма и сушеных целебных трав. На пороге показалась сама хозяйка жилища — или то, что от нее осталось после долгих лет жизни в этом странном месте.

Агата выглядела так, будто помнила еще прошлого императора, — сгорбленная старуха с морщинистым лицом и руками, похожими на старые древесные корни. Седые волосы свисали спутанными космами, а темные глубокие глаза смотрели словно сквозь собеседника, и было в этом взгляде что-то насмешливое. Голос баронессы скрипел, как несмазанная дверная петля.

— А ты изменилась. Я слышала, ты теперь совсем другая, дел наворотила — просто ужас. И мельницу починила, и Томаса приструнила, да еще и в деревню сама приехала, — Агата усмехнулась беззубым ртом. — Люди поговаривают, будто в тебя бес вселился.

— И вы туда же? — напряженно спросила Маша.

— Да нет, бесы — они ведь злые, а ты просто чужая, — старуха шагнула ближе и принялась по-настоящему, как зверь, втягивающий воздух. — Душа у тебя другая, и запах другой, но светишься ты хорошо, не злая.

Травница повернулась и махнула рукой, приглашая войти:

— Заходи, чаю выпьешь? У меня тут покрепче будет, чем в твоём замке.

Маша переглянулась с Мартином, и тот лишь пожал плечами, словно говоря, что старуха всегда такая, а потом кивнул на бревно у крыльца, бросив, что подождет ее снаружи. Внутри хижина оказалась тесной, но чистой: под потолком висели сушеные пучки трав, в углу темнел каменный очаг, а на столе лежали ступа и связка перевязанных корешков. Агата усадила гостью на лавку и принялась колдовать с чаем, даже не подумав спрашивать разрешения.

— Зачем пожаловала? — спросила она, заваривая что-то темное в глиняном горшке.

— Мне нужен лес, — Маша решила говорить напрямую. — Точнее, древесина. Свои запасы уже кончились, а покупать выходит слишком дорого, вот я и слышала, что здесь растет хороший строевой лес.

— Растет, — Агата поставила перед ней дымящуюся кружку. — Только просто так его тебе никто не даст.

— И кто же должен мне его дать?

— Духи, хозяева здешнего леса, — травница села напротив и уставилась на Машу в упор. — Скажи-ка, ты, часом, не маг?

— Нет, никакой я не маг.

— Зато артефакт у тебя умный, я это нутром чую, — старуха прищурилась.

Маша невольно коснулась сумки, и артефакт будто почувствовал прикосновение — внутри что-то едва заметно качнулось, хотя светиться он так и не стал.

— Он просто помогает мне вести учет, — осторожно произнесла она.

— Учет, — усмехнулась Агата. — Странное какое слово, впрочем, как и ты сама, — она наклонилась ближе. — В лесу не все измеряется цифрами, баронесса, там платят уважением, чем-нибудь живым или хотя бы крепким обещанием.

Маша сделала глоток чая, оказавшегося обжигающе горьким, с привкусом меда и чего-то еще, от чего на минуту закружилась голова.

— И что же мне нужно сделать, чтобы духи позволили рубить деревья?

— Для начала тебе придется с ними поговорить. Только потом можно будет с ними договориться, а уж после — оставить им положенный дар.

— И какой же дар им оставить?

— А это они сами тебе скажут, — Агата отпила из своей кружки и вдруг сделалась серьезной. — Ты ведь не боишься?

— Боюсь, конечно, — честно призналась Маша. — Но без леса нам не починить крыши, а без крыш замок рано или поздно рухнет. Если же замок рухнет, крестьяне сразу поймут, что я ничего собой не представляю, и перестанут платить налоги, а тогда долги сожрут нас всех без остатка.

Агата долго молчала, а потом одобрительно кивнула:

— Деловая ты, таких я и не упомяну, — старуха поставила кружку на стол. — Приезжай-ка завтра на рассвете, да только одна или вон с тем парнем, он лес неплохо знает. Но смотри, без железа являйся.

— Это как же — без железа?

— Оружие свое оставишь здесь, да и артефакт тоже.

Маша заметно напряглась, ведь артефакт был ее главным инструментом, и без него она чувствовала себя совершенно незащищенной.

— А это и правда так уж обязательно?

— Если и впрямь хочешь договориться, то да, — кивнула травница. — Артефакты их только раздражают, чужое колдовство им не по нраву.

Между ними повисла тишина. Маша посмотрела на свои руки — чужие, тонкие, с почти фарфоровой кожей — и подумала, что еще месяц назад, в прошлой своей жизни и совсем в другом теле, она бы ни за что не отправилась в лес разговаривать с какими-то духами, а вот теперь идет без колебаний.

— Хорошо, завтра на рассвете, — сказала она наконец. — Явлюсь без оружия и без артефакта.

Агата кивнула и вдруг улыбнулась — улыбка вышла страшноватой, но при этом почти теплой:

— Вот и молодец, не ошиблась я в тебе, — она достала из-за печки небольшой узелок и протянула гостье. — Возьми вот, на первое время пригодится. Это оберег, не магический, простые травы, но пока он не начнет тлеть — значит, духи на тебя не злятся.

На обратном пути Маша молчала, погруженная в свои мысли. Мартин тоже не лез к ней с разговорами и только на самом выезде из леса вдруг обронил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.